СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ X, № 1.

ОБОЗРѢНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ЗА 1870 ГОДЪ,

составленное

къ годичному собранію 29 декабря ординарнымъ академикомъ
А. В. Никитенко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1872.

6

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Декабрь 1872 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОБОЗРѢНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

II^{го} ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

за 1870 годъ,

читанное въ торжественномъ собраніи ея декабря 29-го орд. академикомъ
А. В. Никитенко.

Общая дѣятельность II-го Отдѣленія Академіи Наукъ за истекшій годъ заключалась въ обычныхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ читаны были и обсуживаемы какъ собственные труды и изысканія членовъ по разнымъ вопросамъ отечественнаго языка и словесности, такъ и труды, присылаемые въ Академію сторонними лицами. Послѣдніе предварительно поручались на разсмотрѣніе одному изъ членовъ по принадлежности и мнѣніе его вносилось въ засѣданіе на окончательное заключеніе.

Научныя изысканія и работы каждаго изъ членовъ, такимъ образомъ доводимыя до свѣдѣнія Отдѣленія, были слѣдующія:

И. И. Срезневскій, продолжая постоянныя изслѣдованія о древнихъ памятникахъ отечественной словесности и языка, обратилъ вниманіе свое на *Кормчую книгу*,—твореніе, какъ извѣстно, представляющее весьма важныя данныя для познанія не только церковныхъ нашихъ, но и гражданскихъ законоположеній и быта. До сихъ поръ въ нашей литературѣ почти исключительно пользовалось извѣстностію сочиненіе о Кормчей книги барона Розенкампфа,—трудъ весьма почтенный, но далеко неудовлетворяющій требованіямъ современной науки. Г. Срезневскому, въ виду этихъ

требованій, надлежало прежде всего заняться разсмотрѣніемъ и сличеніемъ древнѣйшихъ спискомъ Кормчей, что́ вело не только къ точному опредѣленію принятаго у насъ текста и согласія его съ греческими подлинниками, но и къ любопытнымъ соображеніямъ относительно древняго нашего языка. По изслѣдованіямъ Академика оказалось, что первенство по древности надобно отдать такъ-называемому Ефремовскому списку. Сравнивъ эту рукопись съ другими по почерку и правописанію, Академикъ пришелъ къ заключенію, что она писана въ XI — XII вѣкѣ и что едва ли въ ней можно указать на какіе-нибудь частные признаки письма, ненаходящіеся въ памятникахъ XI вѣка. Другая рукопись, *Устюжская*, принадлежитъ XIII вѣку и отличается отъ прочихъ тѣмъ, что въ ней помѣщено собраніе каноновъ Іоанна Схоластика. Дальнѣйшія сличенія рукописей и розысканія г. Срезневскаго, которыя онъ будетъ продолжать, должны привести къ полному и ясному уразумѣнію всего, что относится къ измѣненіямъ и судьбамъ этого одного изъ древнѣйшихъ и наиболѣе дѣйствовавшихъ памятниковъ нашей словесности.

Занимаясь изслѣдованіемъ другихъ славянскихъ нарѣчій, Академикъ обратилъ особенное вниманіе на извѣстную чешскую былину *О судѣ Любуши*. Это древнее произведеніе считалось однимъ изъ важныхъ источниковъ для познанія быта и общественнаго устройства славянъ, и однакожъ до сихъ поръ оно мало было и въ этомъ отношеніи разсматриваемо критически. Изслѣдователя нашего вначалѣ должно было занять опредѣленіе времени, къ которому относится былина. Изъ его соображеній слѣдуетъ, что хотя нельзя указать этого времени, однако, основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ языка, ничто не препятствуетъ отнести былину въ ея основныхъ чертахъ къ XI или XII вѣку, или ко времени сближенія чеховъ съ латино-германскимъ западомъ. Это подтверждается, между прочимъ, предоставленіемъ въ судѣ Любуши права первородства въ наслѣдствѣ, свойственнаго феодальнымъ временамъ германскаго міра. Но затѣмъ дальнѣйшія изысканія подробностей памятника приводятъ къ выводу, что онъ, въ настоящемъ

своемъ видѣ, не есть вѣрный отголосокъ того времени, о которомъ въ немъ говорится, а гораздо позднѣйшее воспроизведеніе преданія.

Въ числѣ внесенныхъ въ Отдѣленіе г. Срезневскимъ съ его замѣчаніями произведеній отъ стороннихъ лицъ, какъ-то: отъ г. Викторова, описаніе половины рукописей изъ собранія Ундольскаго, статьи г. Макушева о славянахъ Медлизскаго графства въ Южной Италіи, мы должны упомянуть о рукописномъ трудѣ магистра бывшей варшавской высшей школы г. Бодуена де Куртине, въ которомъ разобрано по польско-латинскимъ грамотамъ древнепольское нарѣчіе. Этотъ трудъ былъ предпринятъ, по предложенію нашего Академика который въ запискѣ своей отзывается о немъ съ полнымъ одобреніемъ, говоря, что матеріалъ въ немъ собранъ изъ огромнаго количества памятниковъ и изслѣдованъ критически, причемъ г. де Куртине обратилъ вниманіе и на особенности мѣстныхъ польскихъ говоровъ древняго времени.

Онъ же, г. Срезневскій, присутствуя на гимназическихъ экзаменахъ изъ русскаго языка и словесности, сдѣлалъ нѣкоторы замѣчанія о способахъ успѣшнѣйшаго, по его мнѣнію, ихъ преподаванія и читалъ въ Отдѣленіи записку о томъ, которая и будетъ въ свое время напечатана.

Я. К. Гротъ въ теченіе 1870 года трудился надъ приготовленіемъ къ изданію шестаго тома сочиненій Державина, который содержитъ въ себѣ окончаніе обширной переписки поэта отъ 1794 г. до дней, предшествовавшихъ его кончинѣ въ 1816 г. Собраніе писемъ, находившихся уже въ рукахъ Академика, увеличилось, между прочимъ, вновь доставленными ему отъ гг. Мурзакевича изъ Одессы и Корсакова. Первыя были писаны Державинымъ къ Попову, а вторыя къ поэту С. Н. Глинкою и Обольяниновымъ, бывшимъ генералъ-прокуроромъ при Императорѣ Павлѣ I. Въ тетрадяхъ Корсаковскаго собранія найдены также г. Гротомъ вообще любопытные для составляемаго имъ изданія матеріалы, а равно и изъ другихъ источниковъ извлечены имъ документы по исторіи Пугачевскаго бунта, именно относящіеся къ дѣятельности Павла Сергѣевича Потемкина.

Окончивъ печатаніе корреспонденціи Державина, Академикъ Гротъ занялся изданіемъ «Записокъ» его по подлинной рукописи. Въ настоящее время, онѣ почти уже отпечатаны со многими историческими примѣчаніями и приложеніями, и такимъ образомъ, весь VI томъ сочиненій Державина появится въ свѣтъ въ первые мѣсяцы сего года.

Посѣтивъ во время лѣтнихъ вакацій Воронежъ, гдѣ началось служеніе покойнаго знаменитаго нашего іерарха и ученаго, митрополита Евгенія, Академикъ Гротъ посвятилъ часть своего времени на розысканія о немъ, и плодомъ этого были собранныя имъ нѣкоторыя любопытныя о митрополитѣ свѣдѣнія. Свѣдѣнія эти вмѣстѣ съ разборомъ переписки ученаго іерарха съ графомъ Румянцовымъ напечатаны въ особой статьѣ. Наконецъ, г. Гротъ, по приглашенію Отдѣленія, приготовляетъ къ изданію въ разное время напечатанныя свои филологическія статьи, въ видѣ особаго сборника, который составитъ одинъ томъ и нынѣ доведенъ уже до половины.

Къ особенностямъ нашего времени принадлежитъ постоянно усиливающееся въ литературѣ стремленіе доводить до всеобщаго свѣдѣнія все, сколько-нибудь любопытное, что сохраняется въ письменности нашей, какъ объ отдаленныхъ, такъ и о ближайшихъ къ намъ историческихъ эпохахъ, и ихъ дѣятеляхъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ, сколько уже издано и продолжаетъ издаваться записокъ частныхъ и сановныхъ лицъ, писемъ, административныхъ и другихъ актовъ! Излишне было бы говорить о пользѣ этихъ неподсказанныхъ свидѣтельствъ исторической правды. Съ помощію ихъ, замѣтно начинаютъ очищаться и исправляться наши взгляды на многое, что̀ недавно еще то превозносилось, то унижалось незаслуженно, и какъ часто въ подлинныхъ документахъ мы открываемъ то, что намѣренно или ненамѣренно умалчивалось въ позднѣйшихъ писаніяхъ и извѣстность о чемъ однако необходима для полноты и вѣрности нашего общественнаго самопознанія! Высшія правительственныя власти не отказываются своимъ содѣйствіемъ споспѣшествовать этимъ прекраснымъ начинаніямъ

тамъ, гдѣ недостаетъ частныхъ средствъ. Не имѣя ни возможности, ни повода въ моемъ обозрѣніи распространяться о томъ, что сдѣлано и дѣлается въ этомъ отношеніи, я не могу однако не упомянуть о недавнемъ весьма утѣшительномъ событіи этого рода, потому что оно касается одного изъ нашихъ сочленовъ. Вамъ, мм. гг., извѣстно, что существуетъ «Русское Историческое Общество для обнародованія историческихъ матеріаловъ», преимущественно новѣйшаго времени. Августѣйшему президенту этого Общества Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Александру Александровичу благоугодно было изъявить свою волю, чтобъ Общество занялось изданіемъ въ свѣтъ собственноручныхъ бумагъ Императрицы Екатерины II, хранящихся въ государственномъ архивѣ, на что послѣдовало и Высочайшее Государя Императора соизволеніе. Выборъ и приготовленіе къ печати этихъ бумагъ, по назначенію государственнаго канцлера князя Горчакова, оказавшаго полное, свойственное ему, патріотическое просвѣщенное сочувствіе къ этому благому дѣлу, возложены на служащаго въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ нашего Академика П. П. Пекарскаго. Г. Пекарскій часть этого труда уже исполнилъ, приготовилъ къ изданію первый томъ бумагъ, присоединивъ къ нимъ, гдѣ требовалось, свои поясненія и примѣчанія. Теперь является увѣренность, что славное царствованіе Екатерины II, несмотря на близость его къ нашему времени, по недостатку точныхъ историческихъ свѣдѣній принимавшее все болѣе и болѣе какой-то миѳическій колоритъ, получитъ характеръ полной достовѣрности и безсмертный образъ монархини, полагавшей все государственное величіе въ возвышеніи народнаго духа, предстанетъ предъ потомствомъ въ своемъ чистомъ историческомъ свѣтѣ.

Мы съ удовольствіемъ спѣшимъ занести въ нашу лѣтопись, что трудъ, предпринятый тѣмъ же членомъ нашего Отдѣленія, П. П. Пекарскимъ, именно исторія Академіи, близокъ къ окончанію. Первый томъ ея уже вышелъ въ свѣтъ, второй приготовляется къ печати. Можно надѣяться, что этотъ добросовѣстно

исполненный трудъ обратитъ на себя вниманіе общества, котораго не могутъ не занимать судьбы учрежденія, имѣющаго столь близкое отношеніе къ его умственнымъ интересамъ. При этомъ нельзя забыть, что съ исторіей Академіи тѣсно связана исторія просвѣщенія въ Россіи. Дѣятельность ея не есть какой-либо эпизодъ или дополненіе къ его общему развитію. Нѣтъ! прочныя, истинныя, т. е. научныя основы просвѣщенія начались у насъ съ нею и постоянно ею охранялись и поддерживались. Когда Петръ Великій предпринялъ основать Академію Наукъ, онъ руководствовался въ этомъ не однимъ примѣромъ Европы и совѣтами заграничныхъ ученыхъ. Его преобразовательныя стремленія вращались около одной всеобъемлющей великой идеи — просвѣщенія своего народа. Въ этихъ видахъ и безъ стороннихъ внушеній, инстинктомъ генія онъ понялъ, что просвѣщеніе во всѣхъ своихъ видахъ и примѣненіяхъ невозможно тамъ, гдѣ не существуетъ главнаго его источника — науки въ самобытномъ ея характерѣ. Хотя по первоначальному плану, согласно потребностямъ времени и обстоятельствъ, съ Академіей сопрягались и педагогическія цѣли, для чего ей приданы были университетскіе и гимназическіе курсы, однако, главною или спеціальною задачей новаго учрежденія была научная разработка началъ, изъ которыхъ возникаетъ всякое знаніе. «Академики», говорилъ Петръ Великій, «должны пріобрѣсти намъ въ Европѣ довѣріе и честь, доказывая на дѣлѣ, что и у насъ работаютъ для науки»,—«итакъ», продолжалъ онъ, «потребнѣе всего, чтобъ здѣсь (т. е. у насъ) таковое собраніе заведено было, ежелибъ изъ самолучшихъ ученыхъ людей состояло. Главнымъ назначеніемъ таковыхъ самолучшихъ ученыхъ есть наука *производить* и *совершать*».

Идея Петра Великаго осуществилась. Въ Россіи, говоря его словами, въ Академіи, имъ основанной, начали работать для науки. Зрѣлище въ высокой степени замѣчательное представляетъ намъ дѣятельность учрежденія, призваннаго *производить*, *совершать* науку и разливать свѣтъ ея въ странѣ, гдѣ дотолѣ на ея огромномъ пространствѣ едва мерцали лучи убогаго схоластиче-

скаго чтенія въ Кіевѣ и Москвѣ, безъ вѣдома такъ-сказать, самой науки. Изъ глубины умственнаго тумана начали быстро возникать въ своемъ строгомъ и величавомъ образѣ науки математическія, астрономія, естествознаніе со всѣми своими отраслями, географія, исторія. Кругъ дѣйствія ихъ, повидимому, ограничивался только мѣстомъ, гдѣ они разработывались и установлялись; но, мало по малу, знанія, ими узакониваемыя, проникали въ среду педагогическую и въ тѣ сферы государственнаго управленія, гдѣ, вслѣдствіе новаго занятаго государствомъ положенія, содѣйствіе науки оказывалось необходимымъ. Очевидно, наука, утверждаясь въ собственномъ своемъ значеніи и авторитетѣ, въ то же время становилась силою дѣйствующею, сроднялась съ умами, чуждыми ей по историческимъ судьбамъ, но нечуждыми по своей счастливой воспріимчивой натурѣ, особенно когда безсмертный Ломоносовъ явился ея національнымъ представителемъ. И это первоначальное движеніе нашей мысли совершалось при содѣйствіи коллективно разработываемой науки. Извѣстно, что въ ней есть вопросы всемірные и общечеловѣческіе и есть вопросы опредѣленной страны и народа. Если научное разрѣшеніе послѣднихъ не можетъ не имѣть важности въ смыслѣ общаго знанія, то оно получаетъ еще бо̀льшую важность для народа. Академія никогда, съ самаго начала своего существованія, не теряла изъ виду въ своихъ изслѣдованіяхъ тѣхъ обязанностей, которыми природа и исторія надѣлила насъ и нашу страну, въ отличіе отъ другихъ народовъ и странъ. Она первая у насъ начала и продолжаетъ доселѣ изслѣдовать нашу фауну, флору, минеральныя наши богатства, предметы географическіе и этнографическіе, — словомъ все, что̀ дѣлаетъ Россію извѣстною для самой Россіи. Труды академиковъ съ этой цѣлью совершены ими или въ уединеніи кабинета, или въ экспедиціяхъ въ разныя страны нашего отечества, о которыхъ мы имѣли до тѣхъ поръ самыя смутныя и поверхностныя понятія. Не говоря о сокровищахъ знанія, добытыхъ въ этихъ странствованіяхъ лицами прошедшаго столѣтія, мы упомянемъ только о тѣхъ, которыя пріобрѣтены для науки вообще и

для науки о нашемъ отечествѣ въ ближайшее къ намъ время, такъ-сказать, на нашихъ глазахъ. Таковы результаты наблюденій, произведенныхъ экспедиціями на Кавказѣ, по Каспійскому и Черному морямъ, въ Новую Землю, въ Сибирь, у отдаленныхъ предѣловъ Амура.

До сихъ поръ свѣдѣнія о дѣятельности Академіи впродолженіе болѣе чѣмъ полутора столѣтія, являлись и являются не иначе, какъ въ отрывочномъ видѣ, самые же непрерывно издаваемые въ свѣтъ труды ея, по своему строго научному характеру, не могли быть доступны многимъ Авторитетъ Академіи, какъ ученаго общества, занятаго исключительно разработкою науки въ этомъ характерѣ, не сопровождается той популярностью, какой домогаются и достигаютъ болѣе или менѣе легкія произведенія мысли и слова, или труды чисто практическіе. Но ей принадлежитъ авторитетъ другаго рода, уважаемый въ высшихъ сферахъ человѣческой образованности,—авторитетъ достовѣрности истинъ, которую она считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ и которая одна очищаетъ образованность отъ наплыва всякихъ произвольныхъ и фантастическихъ умопредставленій. Дѣятельность Академіи Наукъ въ такомъ направленіи и въ отношеніи ея къ нашей образованности должна выясниться въ общей цѣлой картинѣ, а не въ отрывочныхъ, какъ я сказалъ выше, извѣстіяхъ — и это нужно не для одной ея, а для всѣхъ, изучающихъ вообще исторію нашего умственнаго развитія. Такая картина является нынѣ въ видѣ исторіи Академіи, за которую мы обязаны г. Пекарскому.

Трудъ нашего Академика распадается на двѣ половины. Въ одной повѣствуются судьбы Академіи и совершившіяся въ ней событія; другая посвящена біографіямъ ея дѣятелей. Первый нынѣ вышедшій томъ обнимаетъ время отъ основанія Академіи до вступленія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны. Въ немъ помѣщены жизнеописанія четырехъ президентовъ: Блюментроста, бароновъ Кейзерлинга и Корфа, Бреверна и 46 вступавшихъ въ Академію въ разное время членовъ. Открытіе Академіи совершилось подъ счастливыми предзнаменованіями. Импе-

ратрица Екатерина I, съ необыкновенною привѣтливостью и благорасположеніемъ, обращалась къ новоприбывавшимъ изъ-за границы ученымъ и не разъ торжественно выражала свое уваженіе къ ученому обществу, доказывая тѣмъ, что она наслѣдовала въ отношеніи къ нему виды своего безсмертнаго супруга. Нѣкоторые изъ государственныхъ людей школы Петра Великаго, и во главѣ ихъ князь Меншиковъ, подражали ея примѣру. Но вскорѣ послѣ кончины Императрицы, для Академіи настали дни тяжкихъ испытаній. Оказалось то, чему слѣдовало быть, т. е., что въ странѣ, гдѣ не было еще пробуждено сочувствіе къ наукѣ, ей надлежало съ первыхъ шаговъ, какъ и всему великому и благому на землѣ, борьбою со многими препятствіями отстаивать право на свое существованіе. Общество питало къ Академіи полнѣйшее равнодушіе. Такое же равнодушіе и со стороны правительственныхъ лицъ заступило мѣсто прежняго къ ней вниманія. До какой степени мало были поняты идеи Петра Великаго о назначеніи Академіи — видно изъ того, что отъ ней требовалось участіе въ такихъ предметахъ, которые трудно было согласовать съ этимъ назначеніемъ, напр. участіе въ ремесленныхъ учрежденіяхъ. Между тѣмъ суммы на содержаніе ея и разныхъ устроенныхъ при ней заведеній, были отпускаемы въ столь незначительномъ количествѣ и такъ несвоевременно, что академики по два и по три года не получали жалованья. Крайность въ этомъ отношеніи была такъ велика, что, по свидѣтельству нашего историка, однажды пришлось занять у бергъ-коллегіи желѣзо подъ предлогомъ надобности въ немъ на академическія постройки и вырученныя продажею его въ частныя руки деньги употребить на содержаніе служащихъ. Президентъ баронъ Корфъ, въ докладѣ своемъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, говорилъ, «что если Академія скорой помощи не получитъ и не приведена будетъ въ надлежащее состояніе, то имѣетъ она безъ сомнѣнія разрушиться». Не менѣе нищеты опаснымъ врагомъ Академіи было канцелярское управленіе, деспотизмъ котораго страшно тяготѣлъ надъ нею, вопреки здравому смыслу и самому плану, положенному въ ея основаніе.

Бюрократическіе порядки, формы, вводимыя большею частью произвольно лицами, захватывавшими власть въ свои руки, отнимали у ученаго общества его силы, стѣсняли и затрудняли каждый шагъ его въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, которые исключительно принадлежали наукѣ. Ко всему этому присоединилась цензурная подозрительность, непонимавшая, что съ допущеніемъ науки и просвѣщенія необходимо уже допустить и ихъ неизбѣжное слѣдствіе—извѣстный просторъ мысли и находившая, говоря тогдашнимъ словомъ, *сумнительства* и вредныя ученія тамъ, гдѣ предлагалось знаніе и уничтожались грубыя заблужденія, мѣшавшія знанію.

Таково въ началѣ было печальное положеніе Академіи, о которомъ повѣствуетъ ея историкъ. Но духъ Петра и геній нашей будущности бодрствовали надъ созданіемъ великой мысли. Государство скоро начало ощущать на себѣ мощь науки; оно почувствовало необходимость прибѣгать къ пособіямъ ея въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ недостаточно было руководство установленнаго обычаемъ порядка и личныхъ мнѣній и гдѣ надобно было опереться на законахъ вещей и на разумѣ ихъ изъясняющемъ. Предсказаніе Петра Великиго оправдалось вполнѣ. Когда первый президентъ Академіи Блюментростъ обратился къ отправлявшемуся въ Швецію извѣстному своими историческими трудами Татищеву, прося его позаботиться о прісканіи ученыхъ для предполагаемой Академіи, Татищевъ на это освѣтилъ: «Напрасно ищете сѣмянъ, когда земля, на которую сѣять, не приготовлена». Петръ Великій, узнавъ объ этомъ разговорѣ, возразилъ Татищеву слѣдующимъ аппологомъ: «Нѣкоторый дворянинъ желалъ у себя мельницу построить, а не имѣлъ воды. И видя у сосѣдей озера и болота, имѣвшія воды довольно, немедленно началъ, по согласію оныхъ, каналъ копать и на мельницу припасъ заготовлять, котораго хотя при себѣ въ совершенство привести не могъ, но дѣти, сожалѣя положеннаго иждевенія родителемъ ихъ, по нуждѣ принялись и совершили». (Смотр. «Исторію Академіи» Пекарскаго, томъ I стр. XIII). Приведя на память ми-

нувшее, нельзя не отдать справедливости твердости, съ какою предшественники наши на академическомъ поприщѣ, эти мужи мысли и знанія, совершили свое благородное служеніе имъ посреди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и спасли начатки ихъ для будущаго. Они часто исполняли долгъ предъ высокой идеей, которой были представителями, и, почерпая въ ней сознаніе своего достоинства, желали единственно законной поддержки своей дѣятельности, а не милости сильныхъ. Академіи предложено было искать покровительства всемогущаго Бирона, въ которомъ, конечно, онъ не отказалъ бы ей изъ личныхъ видовъ; она отвергла это предложеніе.

Вторая половина изданнаго г. Пекарскимъ тома заключаетъ въ себѣ, какъ я имѣлъ честь сказать выше, біографіи президентовъ и членовъ Академіи. Здѣсь независимо отъ занимательности научной, читатели найдутъ множество любопытныхъ подробностей, касающихся не только характеровъ, быта и взаимнаго отношенія нашихъ зачинателей науки, но и нравовъ и духа времени.

Въ послѣдующемъ томѣ авторъ изложитъ отношенія Академіи и дѣятелей ея къ современному имъ обществу.

Кромѣ этихъ капитальныхъ трудовъ, П. П. Пекарскій наблюдалъ за продолженіемъ изданія 7-й книги русской историчсской библіографіи, составляемой помощникомъ библіотекаря Академіи г. Ламбинымъ.

Труды А. Ѳ. Бычкова, по прежнему, были посвящены изслѣдованіямъ по части древней русской исторіи и языковѣдѣнія. Такъ онъ приготовилъ къ печати «Сборникъ Святослава» 1076 года и занимался составленіемъ къ нему «Словаря», описалъ собраніе мистическихъ и франкъ-масонскихъ рукописей, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку послѣ покойнаго Прянишникова. Однимъ изъ главныхъ занятій г. Бычкова было изданіе по порученію Археографической коммисіи, собранія русскихъ лѣтописей, коего первый томъ, содержащій въ себѣ повѣсть временныхъ лѣтъ Нестора, уже имъ печатается. Здѣсь

*

должно обратить на себя особенное вниманіе нашихъ ученыхъ и всѣхъ занимающихся отечественною исторіею составленный Академикомъ указатель къ полному собранію русскихъ лѣтописей; третій выпускъ этого указателя совсѣмъ уже приготовленъ имъ къ выходу въ свѣтъ. Г. Бычковъ принималъ также дѣятельное участіе въ редакціи и печатаніи трудовъ, извлекаемыхъ Высочайше утвержденною коммиссію изъ архива Святѣйшаго Синода и, наконецъ по порученію ученаго комитета главнаго штаба, Академикъ приготовилъ къ изданію томъ матеріаловъ, относящихся къ царствованію Петра Великаго: томъ этотъ въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ. Въ немъ находится нѣсколько весьма любопытныхъ историческихъ документовъ, которыми еще не пользовались историки Петра Великаго.

Высокопреосвященный архіепископъ Макарій издалъ въ свѣтъ шестой томъ написанной имъ «Исторіи Русской Церкви», обнимающій періодъ со времени раздѣленія церкви на двѣ митрополіи съ 1440 по 1589 годъ. Въ этомъ томѣ, между прочимъ, заключаются изслѣдованія о ереси жидовствующихъ, о ересяхъ Башкина и Ѳеодосія Косаго. Кромѣ того, впродолженіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ лѣтняго пребыванія своего въ епархіи, архипастырь произнесъ нѣсколько поучительныхъ словъ къ своей паствѣ; изъ нихъ нѣкоторыя напечатаны въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Академикъ М. П. Погодинъ окончилъ въ этомъ году печатаніемъ древнюю русскую исторію въ 2-хъ томахъ, съ приложеніемъ атласовъ археологическаго, географическаго и генеалогическаго.

Членъ-корреспондентъ нашъ, ректоръ Варшавскаго университета г. Лавровскій, доставилъ въ Отдѣленіе составленный имъ сербско-русскій словарь. Этотъ важный трудъ, безъ сомнѣнія, займетъ почетное мѣсто въ славяно-русской лингвистикѣ. Авторъ особенно имѣлъ въ виду, какъ объясняетъ въ своемъ предисловіи, доставить молодымъ людямъ, занимающимся славянскими нарѣчіями, пособіе при изученіи ближайшаго къ на-

шему языку нарѣчія сербскаго, за что, конечно, они будутъ ему благодарны, и не они одни, но и всѣ тѣ, которые понимаютъ важность изученія родственныхъ намъ нарѣчій въ связи съ языкомъ отечественнымъ. Отдѣленіе съ должнымъ сочувствіемъ приняло составленный г. Лавровскимъ словарь и положило напечатать его, что́ и исполнено.

Въ этомъ же году, подъ наблюденіемъ академика Бычкова, изданъ Отдѣленіемъ и другой словарь, именно *Словарь бѣлорусскаго нарѣчія*, составленный г. Носовичемъ.

Ведя нашу лѣтопись, мы почти каждый годъ встрѣчаемся съ грустною необходимостью отмѣчать въ ней утрату кого-нибудь изъ литературныхъ и ученыхъ дѣятелей нашего круга. Въ этомъ году мы лишились одного изъ достойныхъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ, Александра Ѳомича Вельтмана, скончавшагося въ Москвѣ 11-го января. Онъ родился 8-го іюля 1800 года; образованіе свое началъ въ Москвѣ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, а кончилъ въ корпусѣ колоновожатыхъ. Въ 1817 г. вступилъ онъ въ службу по свитской части, потомъ продолжалъ ее въ военномъ званіи до окончанія турецкой войны 1828 и 1829 гг., и въ послѣднемъ году вышелъ въ отставку. Въ 1834 году онъ снова вступилъ въ службу помощникомъ директора оружейной палаты, гдѣ потомъ въ званіи директора оставался уже до самой кончины своей. Вторая половина его службы вполнѣ соотвѣтствовала наклонностямъ его къ литературѣ и отечественнымъ древностямъ. Съ любовью предавшись умственнымъ трудамъ, онъ сдѣлался на этомъ поприщѣ замѣчательнымъ дѣятелемъ своего времени. Вельтманъ принадлежалъ къ плодовитѣйшимъ нашимъ писателямъ. Его литературная дѣятельность была весьма разнообразна. Онъ съ одинаковою ревностью посвящалъ труды свои археологическимъ, историческимъ изслѣдованіямъ и литературѣ художественной. Особенную лестную извѣстность пріобрѣли ему произведенія по части послѣдней. Здѣсь является онъ романистомъ, новелистомъ и писателемъ драматическимъ, въ прозѣ и стихахъ. Изъ подъ пера его вышло

болѣе 34-хъ пьесъ, нѣкоторыя значительнаго объема. Къ этому числу принадлежатъ четыре драмы, или драматизированныя пьесы. Конечно не одно обиліе произведеній поставило Вельтмана въ рядъ любимыхъ нашихъ писателей 30-хъ и 40-хъ годовъ. Эстетическій элементъ во всѣ времена является одною изъ могущественныхъ силъ, дѣйствующихъ на образованіе общества, особенно когда орудіемъ его служитъ слово. Возбуждая духъ ко всему прекрасному и великому, онъ дѣлаетъ его доступнѣе и способнѣе къ принятію всѣхъ тѣхъ истинъ, отъ которыхъ зависитъ лучшій порядокъ вещей въ человѣческомъ мірѣ. Литература наша принимала живѣйшее участіе въ развитіи эстетическаго элемента, а Вельтманъ немало содѣйствовалъ вліянію ея на общество въ этомъ родѣ. Нѣкоторыя изъ его произведеній, каковы: «Кащей безсмертный», «Сердце и думка» и другіе высоко цѣнились его современниками. Онъ обладалъ истиннымъ талантомъ и многостороннею образованностью. Не отличаясь ни широтою воззрѣнія, ни глубиною мысли, онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе читателей то смѣлыми и рѣзкими чертами въ изображеніи вседневнаго житейскаго быта и людскихъ страстей, то искуснымъ сопоставленіемъ и изображеніемъ разныхъ внѣшнихъ положеній человѣка, и вообще мастерскимъ живописаніемъ всего, что входило въ рамы его картинъ. Онъ не держался ничьего литературнаго направленія и школы; напротивъ, по особенному настроенію своего дарованія, онъ стремился быть своеобразнымъ, — и хотя это своеобразіе онъ нерѣдко проявлялъ въ формахъ болѣе причудливыхъ, чѣмъ способныхъ выдержать судъ правдивой критики, однако это прощалось ему потому что все слишкомъ фантастическое и неправдоподобное было у него естественнымъ плодомъ его натуры, а отнюдь не насильственной преднамѣренной аффектаціи. Это была игра, но игра умнаго и даровитаго человѣка. Что касается до его историческихъ изысканій, то въ нихъ ясно обнаруживается недостатокъ научной подготовки; наклонность къ своеобразнымъ взглядамъ и выводамъ, неруководимая этою подготовкой, нерѣдко завлекала его слишкомъ далеко за предѣлы дозво-

ленныхъ гипотезъ. Однако нельзя и тутъ не отдать справедливости напр., его описанію «Оружейной Палаты».

Взаключеніе мы должны упомянуть еще о потерѣ одного изъ заграничныхъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ, которая, конечно, будетъ чувствительна для всего славянскаго міра. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ скончался въ Прагѣ извѣстный чешскій ученый Эрбенъ. Въ нашей научной литературѣ онъ особенно извѣстенъ своимъ замѣчательнымъ переводомъ и объясненіемъ Несторовой лѣтописи, а также слова о Полку Игоря.